УДК 81’373:811.161.1+511.152.2 DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.02.037-047

ВАРИАНТНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В МОКШАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (типологический анализ)

Рогожина Валентина Федоровна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры мордовских языков ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, РФ), valentina-141966@mail.ru

Кулакова Надежда Андреевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры мордовских языков ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, РФ), nad-kul@rambler.ru

Проанализирована типология вариантов фразеологических единиц в неродственных языках – мокшанском и русском. Целью работы является типологический анализ вариантности фразеологических единиц в этих языках. Объектом исследования явились варианты фразеологических единиц в рассматриваемых языках. Положения работы могут быть использованы при подготовке учебно-методического материала по предметам «Современный мокшанский язык», «Сравнительная грамматика мордовских и русского языков».

Методика исследования основана на системном подходе, вобравшем в себя сравнительно-типологический и структурно-грамматический методы. Материалом послужили научные работы русских и финно-угорских ученых-лингвистов, данные фразеологических словарей, художественные произведения и записи говоров носителей указанных языков.

Формальное варьирование фразеологизмов не вызывает принципиальных разногласий, тогда как лексическая замена компонентов порождает различные мнения. Большинство лингвистов определяют вариантность фразеологизмов как различного рода изменения, касающиеся формы фразеологических единиц, плана их выражения.

Сделан вывод, что во фразеологических единицах мокшанского и русского языков наблюдается лексическая и морфологическая вариантность. Лексическая вариантность выражается при помощи разных лексических компонентов. В сравниваемых языках наиболее подвержены сокращениям предикативные фразеологизмы, содержащие более двух компонентов. Морфологическая вариантность выражается в изменении грамматической формы. В русском языке она выражается в числе, падежных формах и иногда в роде, а в мокшанском – в употреблении послелогов.

Ключевые слова: глоссарий; грамматика; фразеологическая единица; двуязычный словарь; лексическая вариантность; морфологическая вариантность; существительное; прилагательное; местоимение; суффикс; мокшанский язык; русский язык.

Для цитирования: Кулакова Н. А., Рогожина В. Ф. Вариантность фразеологических единиц в мокшанском и русском языках (типологический анализ) // Финно-угорский мир. 2018. № 2. С. 37–47.

Введение

Во всем мире заметен пристальный интерес к традиционной народной культуре, к территориальным и социальным диалектам. Каждый язык включает, с одной стороны, литературную норму, с другой – диалекты.

Как живой язык существует и изменяется, пока существует народ, как мертвый – может существовать, пока существует человечество. Каждый язык постепенно меняется, обновляется; появляются новые лексические единицы с новыми значениями. В раскрытии их значений большую помощь оказывает изучение фразеологизмов, их вариантности и смыслового содержания.

Обзор литературы

Проблемой фразеологической вариантности в языке в отечественном языкознании занимаются Н. Ф. Алефиренко [1], В. П. Жуков[1], А. И. Молотков[2], Н. М. Шанский[3] и др. В финно-угорском языкознании вариантности фразеологических еди-

[1] См.: Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. Москва, 1978.

[2] См.: Войнова Л. А., Жуков В. П., Молотков А. И., Федоров А. И. Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / под ред. А. И. Молоткова. Москва, 1967.

[3] См.: Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В. Школьный фразеологический словарь русского языка. 2-е изд. Москва, 1997.

© Рогожина В. Ф., Кулакова Н. А., 2018

ниц уделяли внимание А. И. Кузнецова [3], Б. Ф. Захаров [2], Н. А. Кулакова [4; 5; 6], Е. Н. Морозова [7], В. Ф. Рогожина [8; 9; 10], Р. С. Ширманкина [11; 12] и др.

Материалы и методы

Методика исследования основана на системном подходе, вобравшем в себя сравнительно-типологический, структурно-грамматический методы. Материалом послужили произведения художественной литературы, данные фразеологических словарей и говоры носителей указанных языков.

Результаты исследования и их обсуждение

Вопрос о разграничении вариантности и синонимии долгое время остается спорным. Основная причина разногласия заключается в том, что одни лингвисты склонны расширять понятие фразеологического синонима и обеднять понятие варианта, а другие – сужать. Заметим, что формальное варьирование фразеологизмов не вызывает принципиальных разногласий, тогда как лексическая замена компонентов порождает различные мнения. Большинство лингвистов определяют вариантность фразеологизмов как различного рода изменения, касающиеся формы фразеологических единиц, плана их выражения. «Варианты фразеологического оборота – это его лексико-грамматические разновидности, тождественные по значению и степени семантической слитности. Различия вариантов фразеологизма могут быть большими или меньшими, однако они не должны нарушать тождества фразеологизма как такового»[4].

«Вариантность лексического состава фразем – яркое проявление динамики единиц лексического и фразеологического уровней в синхронии, их функционально-семантического взаимовлияния, вследствие чего происходит коммуникативно-обусловленное усовершенствование фразеологической системы и ее развитие» [1, *41*]. С одной стороны, будучи устойчивой и воспроизводимой единицей языка, фразеологизм характеризуется постоянством компонентного состава и структуры, с другой – в определенной мере допускает отклонения.

Традиционно выделяют формальные и лексические варианты фразеологических единиц. К формальному типу принадлежат фонетические, словообразовательные, морфологические и синтаксические варианты, к лексическому – полные / усеченные варианты и варианты с разными лексическими компонентами.

Рассмотрим подробнее морфологическую вариантность. Она выражается в изменении грамматической формы. В мокшанском языке эти изменения связаны с употреблением:

1) суффиксов прилагательного и причастия соответственно **-нь** и **-ф** в компоненте:

– *молемс нолда**нь** (комаф) прят (нярьхть)* ‘быть расстроенным, огорченным (букв. идти с опущенной головой (опущенным подбородком))’ – *молемс нолда**ф** прят (нярьхть)* ‘быть расстроенным, огорченным (букв. идти с опустившейся головой (подбородком)’. *Анна Петровна **нолдань нярьхть** озась табуреткать лангс*[5]. «Анна Петровна расстроенно (букв. с опущенным подбородком) села на табуретку»; – *Озак, ванды кизефтте. – **Комаф прят** Коля тусь вастозонза*[6]. «– Присядь, завтра спрошу. – Коля расстроенным пошел на свое место»; *Омбоце шиня начальниксь васьфтезе **нолдаф нярьхть**: “Улема, ашезь лисе тевоц”, – арьсесь Сабри и бта ведарка кельме ведь каясть лангозонза*[7]. «На следующий день начальник встретил огорченным (букв. с опустившимся подбородком): “Наверное, дело не получилось”, – подумал Сабри и расстроился»; *Но мес кафцьке аф весялат? И мольфсновок полафтсь. То якасть видеста, прянь петезь, а тяни **молихть** бта пяк сиземада меле, **нярьсна нолдафт***[8]. «Но почему оба невеселые? И походка изменилась. То ходили прямо, чинно, а теперь идут, будто сильно уставшие,

[4] Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В. Указ. соч. С. 55.

[5] Макулов Л. Ф. Мокшень стирь: повесть. Саранск, 1997. С. 25.

[6] Там же. С. 51.

[7] Кяшкин М. Мзярда перьфкат ялгат: расскаст. Саранск, 1962. С. 54.

[8] Там же. С. 105.

огорченные (букв. с опущенными подбородками)»;

– *самс шава кятть – самс шавонь кятть* ‘прийти с пустыми руками’. *Стакащемда шавф ши-шишка, а куду молема* ***шавонь кяттьть***[9]. «Зря трудились целый день, а домой придется идти ни с чем (букв. с пустыми руками)»

– *ваномс озада седихть – ваномс озадонь седихть* ‘смотреть с любовью (букв. с сидячим сердцем)’. *А тон, учитель,* ***озадонь седихть ватт*** *лангозост*[10]. «А ты, учитель, смотри на них с любовью»; ***Озадонь седихть*** *нилецьке алятне ашкодсть мельниктъ кядьста цигаркат и апак лотксек ванцть приборхнень мельге*[11]. «Спокойно четверо мужчин закрутили из кисета мельника цигарки и, не переставая, смотрели за приборами»;

– *ароптф потмот* ‘умиротворенно (уйти, остаться)’. *Собраниясь аделавсь пяле веда меле. Сембе срадсть кудгаст озадонь седихть,* ***ароптф потмот***[12]. «Собрание закончилось после полуночи. Все разошлись по домам спокойные, умиротворенные (букв. с очищенным нутром)»;

– *аф нолдаф пиле* ‘не хуже других в каком-либо отношении; не лишен силы, знаний, способностей’. *Сон ни газясь. Да минцьке* ***аф нолдаф пилетяма*** [с. Алькино Ковылкинского района Мордовии]. «Она пригрозила. Да и мы сами не хуже других (букв. не опущенные уши)»;

– *нолданьть трват – нолдафть трват* ‘сердито, зло (букв. надув губы, с надутыми губами)’. *“Тявок ащи* ***нолданьть трват*** *мархтон, мес телефонограмманц ашине прима эста и уркстыне”, – лятфтазе Пяштяльмов корхтамаснон и сувась Пурейкинонь кабинетозонза*[13]. «“И этот дуется на меня (букв. с опущенными губами со мной), что телефонограмму его не принял тогда и сделал замечание”, – вспомнил Пяштяльмов их разговор и зашел в кабинет Пурейкина»;

– *сюдоф киньконь* ‘быть в нищете (букв. проклянувший нашу дорогу)’. *– Эх, Тишка, Тишка! Тонга, цёрай. Однястокиге ушедыть минь* ***сюдоф киньконь***[14]. «Эх, Тишка, Тишка! И ты, сынок. Смолоду начал жить по нищему (букв. как проклянувший нашу дорогу), как мы».

2) суффиксов разных падежей основного и указательного склонений существительного **-с** (**-ц**) / **-ти**:

– *лисемс валда кити (кис)* ‘выйти в люди; занять определенное положение в обществе (букв. выйти на светлый путь)’. *Мон старандан, штоба тинь тонафнеледе,* ***лиселеде валда кити****, а тинь эцетяда лебоньц*[15]. «Я стараюсь, чтобы вы учились, вышли в люди, а вы опускаетесь на дно»;

– *эцемс лебоньц* ‘опуститься на дно (букв. попасть в болото)’. *Мон старандан, штоба тинь тонафнеледе, лиселеде валда кити, а тинь* ***эцетяда лебоньц***[16]. «Я стараюсь, чтобы вы учились, вышли в люди, а вы опускаетесь на дно»;

– *путомс пряс* ‘запомнить’ (суффикс вносительного падежа основного склонения) – *путомс пряти* ‘запомнить’ (суффикс дательного падежа указательного склонения); *арась (повсь) пряс (пряти)* ‘кто-либо опьянел от вина (букв. стало, попало в голову)’. *Максим атянь омбоце стопкать симомде меле* ***арась прязонза****, и сон тага ушедозе кельгома моронц* [с. Адашево Кадошкинского района Мордовии]. «Дед Максим после второй рюмки слегка опьянел, и он опять начал свою любимую песню»;

– *сувамс толс, моряс* ‘отдать жизнь (букв. в огонь, в море)’. *“Эх, Анна Петровна. Мон тонь инксот аф тяфтама подвиг тиелень, а* ***толс, моряс сувалень****: кальдявста содасамак нинге”, – арьсесь эсь потмовонза Андрей*[17]. «“Эх, Анна Петровна. Я за тебя не такой подвиг совершил бы, а в огонь, в море прыгнул бы: плохо ты меня еще знаешь”, – думал про себя Андрей»;

3) начальной формы существительного и вносительного падежа основного скло-

[9] Мишанина В. И. Сиянь ракакудня. Саранск, 1974. С. 4.

[10] Там же. С. 106.

[11] Там же. С. 27.

[12] Ларионов С. С. Лямбе кядьса: роман. Саранск, 1962. С. 186.

[13] Кишняков И. П. Иссась шуди Волгав: роман // Бебан М. А. Тундань нармотть. Кишняков И. П. Иссась шуди Волгав. Саранск, 1995. С. 114.

[14] Кирдяшкин Т. А. Кели Мокша: роман. Саранск, 1989. С. 53.

[15] Макулов Л. Ф. Указ. соч. С. 105.

[16] Там же.

[17] Там же. С. 60.

нения: *сялгомс седи* ‘огорчить, обидеть (букв. проткнуть сердце)’ (именительный падеж) – *сялгомс седис* ‘огорчить, обидеть (букв. вонзить в сердце)’ (винительный падеж). *Валхне* “*Коза кадыть братцень*” ***сялгозь седис***[18]. «Слова “Куда оставил брата” обидели (букв. вонзились в сердце)»;

4) начальной формы существительного и местного падежа основного склонения: *кирдемс мяль* ‘поддержать, быть на стороне кого-либо (букв. держать мысль)’ (именительный падеж) – *кирдемс мяльса* ‘помнить (букв. держать в мыслях)’ (местный падеж); *аф токамс сурса (сурпряса)* ‘не причинять ни малейшего вреда кому-либо; не бить кого-либо’. *Мон учень, што тага кармайхть пикссемон, но зря лангозонза аш мезе корхтамс,* ***сурсонга ашемань тока*** [с. Алькино Ковылкинского района Мордовии]. «Я ждал, что меня опять начнут бить, но зря на него нечего говорить, не причинил мне ни малейшего вреда (букв. и пальцем меня не тронул)»;

5) вариантов суффиксов переместительного падежа формы существительного основного склонения **-ва**/**-ге**: *Шиндина шарьхкодезе Порговть стане, што сон корхтай мархтонза аф серьёзнайста, аф кода секретарень мархта и* ***седиге мярьгсь****: “А тага мезе азат?”*[19]. «Шиндина поняла Поргова так, что он говорит с ней несерьезно, не как с секретарем и с обидой сказала: “А что еще скажешь?”»; *Алексей комафтозе прянц и виденцясь: “Кельгса, аляй,* ***седиге-ваймова кельгса****!”*[20]. «Алексей опустил голову и признался: “Люблю, отец, очень люблю (букв. всем сердцем-душой)”»;

6) вариантов суффиксов направительного падежа формы существительного основного склонения **-с**/**-в**: “*А тон, маряк, учителят?” – кизефтезе Илья Мазяркин и* ***пезфтазень сельмонзон*** *алять* ***шамас***[21]. «“А ты, видно, учитель?” – спросил Илья Мазяркин и пристально посмотрел (букв. вонзил глаза) в лицо мужчины»;

7) союзов *бта*, *кода*, *прокс* и др.: *бта крфай седь лангса* ‘быть в возбужденном состоянии’, *бта стенати снавсь* ‘не воздействует, не оказывает никакого влияния на кого-либо (что-либо сказанное)’, *прокс ведьс ваясь* ‘бесследно исчез (пропал) – о ком-либо’. *Лиясь бта сонь вастсонза кургонц афолезе панжа, но цёрати ня валхне,* ***бта стенати снавсь*** [с. Адашево Кадошкинского района Мордовии]. «Другой бы на его месте смолчал (букв. рот не раскрыл), но Провалову эти слова как об стенку горох»; *“Коза?” – становойсь комотсь малазонза,* ***бта*** *сонь* ***валозь крфай седьса***[22]. «“Куда?” – подпрыгнул становой близко к нему, будто его ошпарили кипятком (букв. облили тлеющим углем)»; – *Тинь тяса кирдемшка, а монь “Хуторсон”* ***хоть врьгаст эйндафтт****, Сидор атяй, – мярьгсь Клим Петрович*[23]. «– У вас здесь терпимо, а у меня “на Хуторе” очень холодно (букв. хоть волков заставляй мерзнуть), дед Сидор, – сказал Клим Петрович».

Морфологическая вариантность в мокшанском языке выражается также употреблением послелогов *инголе* ‘перед’, *фталга* ‘за’, *ёткова (пачка)* ‘сквозь, через, между чем-либо’, *пачк* ‘через, сквозь’, *лангс* ‘на’, *шири* ‘в, на’, *алга* ‘под’, *алда* ‘из-под’ и др. Наиболее часто используются послелоги:

– *повомс сельме* ***инголе*** ‘неожиданно оказаться перед кем-либо (букв. попасть перед глазом)’, *сельме* ***фталга*** ‘в тайне от других’. *Тевсь тя хоть синь, а сяка* ***сельме фталга эряволь***...[24]. «Хотя это их дело, а все равно за глаза надо было…».

– *аердамс седигя*[25] – *аердамс седи* ***вакска*** ‘расстроить (букв. резануть по сердцу)’. *Сонь (Шаровть) хоть ляпе, аф кельгсы ломанть обжаманц, но учительницать ня валонза* ***седи вакска аердазь***[26]. «Его (Шарова) характер покладистый,

[18] Кирдяшкин Т. А. Указ. соч. С. 31.
[19] Ларионов С. С. Указ. соч. С. 18.
[20] Там же. С. 26.
[21] Кудашкин И. Н. Ломанти эряви кельгома: повестть, азкст, ваймонь панчсемат. Саранск, 1996. С. 9.
[22] Кирдяшкин Т. А. Указ. соч. С. 61.
[23] Макулов Л. Ф. Указ. соч. С. 65.
[24] Бебан М. А. Тундань нармотть. Саранск, 1962. С. 114.
[25] Форма переместительного падежа в функции послелога *по*.
[26] Макулов Л. Ф. Указ. соч. С. 51.

не любит человека обижать, но эти слова учительницы его расстроили (букв. резанули по сердцу)»;

– *потмо**ста***[27] – *лисемс пря**ста*** ‘забыть (букв. выйти из головы)’. *А монь **прястонга (пря потмостонга)** тя лиссь* [с. Алькино Ковылкинского района Мордовии]. «А я совсем забыла (букв. из моей головы вышло)»;

– *ваномс сур **ёткова** – ваномс суронь **пачк*** ‘намеренно не обращать внимания на что-либо, умышленно не замечать предосудительное в чем-либо (букв. смотреть сквозь палец)’. *Видеть азомс, Ахимовсь сонь кунара ни содалезе сединек-мезнек, да ащесь бокса, **ванць** лангозонза **суронь пачк***[28]. «Прямо сказать, Ахимов его давно уже знал до мозга костей (букв. и сердце, и все), да стоял в стороне, смотрел на него сквозь пальцы»; *Ётась недяля, ётась ков, а Гришунькась, мярьгат, **масторть пачка** тусь, аш и аш*[29]. «Прошла неделя, прошел месяц, а Гришка, скажешь, сквозь землю провалился»;

– *арамс фкя кядь **лангс*** ‘договориться, сойтись на одном чем-либо (букв. стать на одну руку)’, *арамс фкя кядь **шири*** ‘стать, встать на одну сторону с кем-либо; присоединиться к чьему-либо мнению, разделяя или оправдывая чей-либо образ мыслей, чьи-либо действия, поступки; вступиться за кого-либо’. *Тяфта корхнемда меле сембе **арасть фкя кядь лангс**, путозь максомс тевть сяда ичкози – Пензав*[30]. «После таких речей все договорились, решили передать дело дальше – в Пензу»; *Алязе, покойниксь, куломозонза азонкшнельхце – мон нинге куломстонза ёфси одолень, а тяни тейне вага вейхксогемонть малава – кода велень сембе ломаттне **арасть фкя кядь шири** и кеподсть помещикнень, боярхнень лангс*[31]. «Отец мой, покойник, до самой смерти рассказывал – я при его смерти был совсем еще молодым, а теперь мне вот около девяноста – как все деревенские люди объединились (букв. встали по одну сторону руки) и восстали против помещиков и бояр»;

– *варжакстомс коня **алга** (сельме **алда**)* ‘недоброжелательно, косо посмотреть на кого-либо, что-либо’. *“Ся мес станя, али мон аф азоран эсь лангсон?” – сятявста, но кемоста путозень валонзон, **варжакстсь** кати-кода **коня алга** Пяштяльмовонь лангс, кона ащесь тиякс кучкаса, и кода шарьхкодькшнесь Макар, мялецка ашель озамс шрать вакс*[32]. «“Это почему так, или я не хозяин над собой?” – тихо, но твердо сказал он, посмотрел как-то исподлобья на Пяштяльмова, который стоял в середине комнаты и, как понимал Макар, у которого не было желания сесть за стол»; *А сон **варжакстсь** лангозон понав **сельмокабанзон алда** и сире офтонь вайгяльса уркодсь лангозон*[33]. «А он недоброжелательно (букв. из-под ресниц) взглянул на меня и резко сказал»;

– ***пачкат (пачканза, пачкаст)** ётай* ‘настырный, упрямый, своенравный, добьется своего – по отношению к человеку’. *Макаронди няевсь: Пяштяльмов бта сяда оржаль, “**пачкат ётай**” – мярьгсь эсь пачканза и эстокигя арьсезе: «Эряви сяда шама максомс, кяжиямацень мархта мезевок аф тият»*[34]. «Макару показалось: Пяштяльмов будто стал настырнее, упрямее (букв. насквозь видит), – решил про себя и сразу же подумал: “Надо быть добрее с ним (букв. лицо давать), злостью ничего не сделаешь”».

Вариантность в мокшанском языке наблюдается в сочетаниях существительного в форме превратительного падежа или в сочетании существительного в форме именительного падежа с послелогом *лаца* ‘как, наподобие’: *ёладамс (шаромс) ёжу келазькс* ‘угождать, подлизываться’ (превратительный падеж) – *ёладамс ёжу келазь лаца* ‘угождать, подлизываться’ (именительный падеж + послелог). Например: *Народоц фкяфок валняцты изь веронда, аньцек пулонь кан-*

[27] Форма исходного падежа в функции послелога *откуда*.

[28] Левчаев П. И. Вирсь увнай. Саранск, 1959. С. 74.

[29] Виард В. И. Ох, аф офта: повесть. Кешань приключениянза. Саранск, 1993. С. 247.

[30] Кирдяшкин Т. А. Указ. соч. С. 161.

[31] Там же.

[32] Бебан М. А., Кишняков И. П. Указ. соч. С. 87.

[33] Виард В. И. Кочкаф сочиненият: кафта томса. Омбоце томсь. повесть. Кешань приключениянза. Саранск, 1993. С. 143.

[34] Кишняков И. П. Указ. соч. С. 112.

ниенза ***ёладасть ёжу келазькс***[35]. «Люди ни одному его слову не верили, только подлизы (букв. носящие его хвост) угождали ему»; *Дарья* ***келазькс шарсь*** *од квартиранканзон перьф*[36]. «Дарья угождала (букв. лисой вертелась) своим квартиранткам».

Что касается фразеологических единиц русского языка, то морфологические варианты появляются в результате изменения словоформ. Именные компоненты варьируются:

а) в числе: *на радостях* / *на радости*; *режет глаза*/*глаз*; *режет ухо*/*уши*; *наступать на ногу* / *на ноги*, *лезть на стену* / *на стены* ‘приходить в крайнее раздражение, исступление’. *Постойте, постойте… не приходите в раж, не лезьте на стену, ведь вы еще не выслушали нас*[37];

б) в падежных формах: *заскребло на сердце* / *по сердцу*, *защемило сердце* / *на сердце*; *злоба дня* / *на злобу дня* ‘то, что в данное время, в данный момент волнует, интересует всех, привлекает всеобщее внимание’. *История с Оксей сделалась злобой промыслового дня…*[38];

в) иногда в роде: *наступить на любимую* / *любимый мозоль* ‘касаться того, что болезненно волнует, беспокоит, задевает кого-либо’, *встретить с прохладцей* / *с прохладцем*. *Вы, как говорится, наступили на мою любимую мозоль, и вот я, начинаю волноваться и немного сердиться*[39]; *Голуб гаркнул: – Как ты смеешь бить моих людей, подлец? – Рука Павлюка медленно поползла к кобуре маузера. – Легче, пане Голуб, легче… Не наступайте на любимый мозоль, осержусь*[40].

Некоторые компоненты фразеологизмов изменяются в речи по родам и числам: *ни жив ни мертв* / *ни жива ни мертва* / *ни живы ни мертвы*; *сам не свой* / *сама не своя* ‘сильно взволнован, расстроен; потерял душевное равновесие’. В русском языке употребляются с существительными со значением лица: *отец, брат… сам не свой*; *сестра, мать… сама не своя*; *родители… сами не свои*. *Душа здесь у меня каким-то горем сжата; и в многолюдстве я потерян, сам не свой*[41]. В мокшанском языке подобные варианты фразеологизмов не употребляются, так как отсутствует категория рода.

В мокшанском и русском языках сокращениям чаще подвержены предикативные фразеологизмы, содержащие более двух компонентов. В подавляющем большинстве случаев опускается глагол: мокш. *седизе пенкшт (мольсь)* ‘испугаться’ – рус. *сердце в пятки (ушло)* ‘испугаться’. Например: *Каршезон сай председательсь:* ***пенкшт седизе мольсь*** [с. Адашево Кадошкинского района Мордовии]. «Увидел идущего председателя: сильно испугался».

В глагольных фразеологизмах, как правило, пропускается прилагательное, местоимение или наречие, не несущее особой семантической нагрузки, например: мокш. *кирдемс (эсь) пря* ‘держаться определенным образом (о манере ходить, сидеть, разговаривать и т. д.)’ – рус. *держать (свою) голову*; мокш. *аф кемамс (эсь) сельмотненди* – рус. *не верить (своим) глазам* и т. д. *“А тон* ***афолить лихне (эсь) кяльцень****”, – Фанарять уркстозе акша шама авась*[42]. «“А ты бы помалкивала”, – одернула жену Афанасия бледнолицая женщина»; *Фанарясь кяжиясь: тейть как раз* ***сускомаль кяльце****, Наста*[43]. «Жена Афанасия разозлилась: тебе как раз надо было промолчать (букв. прикусить свой язык), Наста».

Наиболее часто в мокшанском языке морфологическая вариантность функционирует в предикативных фразеологических единицах, которые структурно состоят из следующих словосочетаний: существительное с лично-притяжательным суффиксом + глагол в форме 3-го лица единственного числа: *кялезе аф кирди* ‘не промолчать (букв. мой язык не держит)’, *кяльце аф кирди* ‘не промолчать (букв. твой язык не держит)’, *кялец аф кирди* ‘не промолчать (букв. его, ее язык

[35] Там же. С. 78.
[36] Макулов Л. Ф. Указ. соч. С. 26.
[37] Войнова Л. А., Жуков В. П., Молотков А. И., Федоров А. И. Указ. соч. С. 224.
[38] Там же. С. 174.
[39] Там же. С. 268.
[40] Там же. С. 269.
[41] Там же. С. 406.
[42] Ларионов С. С. Указ. соч. С. 153.
[43] Там же.

не держит)'; существительное с личнопритяжательным суффиксом + глагол в форме 3-го лица множественного числа: *кяленьке аф кирдихть* 'не промолчать (букв. наши языки не держат)', *кяленте аф кирдихть* 'не промолчать (букв. ваши языки не держат)', *кяльсна аф кирдихть* 'не промолчать (букв. их языки не держат)'; *кургозе (кургце, кургоц, кургоньке, кургонте, кургсна) аф панжсеви (аф панжсеви)* 'очень холодно'. *«Ну и якшама, Петрович,* ***кургце аф панжеви****»*[44]. «Ну и холод, Петрович, рот не откроешь»; *Монь* ***седиезе марясы****, што Гришунькась живой и минь сонь мусаськ*[45]. «Я чувствую (букв. мое сердце чувствует), что Гришка жив, и мы его найдем»; *Кие содасы, пади тяниевок* ***салавань киськоряенза*** *мезе-мезе тошкасть колганза Верховнайти*[46]. «Кто знает, может быть, и сейчас его тайные недоброжелатели (букв. тайно его царапающие) что-нибудь шепнули Верховному»; *Порговть тяцка* ***токазе седиенц***[47]. «Поргова и это расстроило сильно».

Лексическая вариантность в мокшанском языке обычно выражается при помощи лексических компонентов *веляфтомс* 'свалить, перевернуть', *стяфтомс* 'поднять, поставить', *шарфтомс* 'перевернуть'. Данные компоненты чаще всего сочетаются со словами *пря* 'голова', *пильге* 'нога', *пиле* 'ухо' и т. д. Например: *веляфтомс прянц лангс* 'привести в беспорядочное состояние (букв. свалить на голову)' – *стяфтомс прянц лангс* 'привести в беспорядочное состояние (букв. поставить на голову)' – *шарфтомс прянц лангс* 'привести в беспорядочное состояние (букв. повернуть на голову)' – *комафтомс прянц лангс* 'привести в беспорядочное состояние (букв. наклонить на голову)'; *тапамс пилькт* 'сильно устать (букв. истоптать ноги)' – *шавомс пилькт* 'сильно устать (букв. бить (убить) ноги)'. *Сюволдась седялонц, кудбрянц, матфонц, кардонянц, калдазонц – сембонь, мезец ули,* ***шарфтозь пряснон лангс***[48] *«*Посмотрел в подпол, на чердак, в погреб, в хлев, в сарай – везде, всюду, привели все кругом в беспорядочное состояние (букв. повернули на голову)»; *Сон шиньберьф* ***тапась пильге лангса****, сяс сяшкава сизесь, нльне ашезь кенерь нолдамс пря ляпе тишенять лангс, удомась эстокиге утязе*[49]. «Он целый день много ходил, поэтому так устал, только успел положить голову на мягкую травку – уснул».

В мокшанском языке вариантность выступает в первом компоненте, в глаголе:

– ащемс (якамс) пильге сур лангса 'осторожничать, не шуметь; заискивать перед кем-либо'. *Бта атямоль республикаса,* ***пильге сур лангса ащекшнеме*** *инголенза*[50]. «Будто гром был в республике, на цыпочках (букв. на пальцах (ног)) стояли перед ним»; *Сембе* ***якасть*** *кудса* ***пильгосур лангса,*** *кивок изь шумна, изь рахсе*[51]. «Все ходили осторожно, никто не шумел, не смеялся».

Наблюдается вариантность и в дополнительном компоненте – существительном:

– пуворямс шалхка (курга) 'выражать недовольство (букв. ворочить (кривить) нос (рот))'. *Ну, тяда лажна, ялгат, Игнатов хоть* ***шалхконц пуворязе****, а мярьгсь максан колма алашать пенгянь ускомс*[52]. «Ну, не расстраивайтесь, друзья, Игнатов хотя и выражал недовольствие, а сказал (что) даст трех лошадей, чтобы привезти дрова»;

– тумс аф пара седиса (мяльса) 'уйти, уехать расстроенным (букв. с нехорошим сердцем (мыслями))'. ***Аф пара седиса*** *тусь школаста Каргинаське*[53]. «Расстроенной (букв. с нехорошим сердцем) ушла из школы и Каргина»;

– кирдемс пряса (мяльса) 'помнить (букв. держать в голове (в уме))'. *Тялонь кувака веть шачендсь седизонза фкя надияма васта, мъзярце шись* ***кирнезе прясонза*** *арьсефонц-мяленц, кельгсезе эсь*

[44] Макулов Л. Ф. Указ. соч. С. 128.
[45] Там же. С. 247.
[46] Кудашкин И. Н. Указ. соч. С. 170.
[47] Ларионов С. С. Указ. соч. С. 274.
[48] Кирдяшкин Т. А. Указ. соч. С. 258.
[49] Там же. С. 50.
[50] Ларионов С. С. Лямбе кядьса: роман. Саранск, 1962. С. 71.
[51] Мишанина В. И. Вальмафтома куд: повесть, азкст, пьесат. Саранск, 2002. С. 29.
[52] Макулов Л. Ф. Мокшень стирь: повесть. Саранск, 1997. С. 65.
[53] Там же. С. 25.

пачканза[54]. «Длинной зимней ночью зарождалась в голове надежда, который день держал в голове задуманное, радуясь про себя»;

– *сявомс пряс (мяльс)* ‘запомнить (букв. взять в голову (в мысли))’. *“Тейть эряви цебярьста* ***сявомс пряс*** *монь азфозе”, – мярьгсь тейне монь ялгазе Вася* [с. Адашево Кадошкинского района Мордовии]. «“Тебе надо хорошо запомнить мои слова”, – сказал мой друг Василий»;

– *панжемс вайме (потма, седи)* ‘открыться, признаться в чем-либо кому-либо (букв. открыть сердце (нутро, душу))’. *Каргинась потмова кяжиякшнесь эсь тядянц лангс, мес тона* ***панжезе потмонц*** *тя монашкати*[55]. «Каргина в душе сердилась на свою маму, почему та открылась (букв. открыла нутро) этой монашке»;

– *рахамас (авардемс, ольксемс-явсемс) вярьгак вайгяльхть* ‘смеяться (плакать) громко’. – *Мон азсайне аляснон лемснон, – отькорьста мярьгсь цёранясь, – тянь вага Анна Михалуна, сянь Анна Карпувна, а тянь Анна Фаньковна, – ноцькафтозе инголенза ащи стирнять равжа, шуваня касаняда, шабатне* ***вярьгак вайгяльхть рахазевсть***[56]. «– Я назову их отчество, – шустро сказал мальчик. – Эту вот зовут Анна Михалуна, ту – Анна Карпувна, а эту – Анна Фаньковна, – дернул за черную, тонкую косичку перед собой сидящую девочку, дети громко рассмеялись»; *Меки ардомста Шуркань тядяц то* ***ольксесь-явсесь вярьгак вайгяльхть,*** *то тихольдсь саворня*[57]. «Возвращаясь обратно (назад), мама Саши то плакала очень громко, то причитала тихо».

Иногда лексическая вариантность охватывает оба компонента. Например, значение «наказать, проучить» выражается фразеологическими единицами *ваткамс кедь* ‘снять шкуру’ – *каяфтомс киське* ‘снять кожу’; значение «успокоить» – *озафтомс (петемс) седи (вайме)* ‘букв. посадить (улучшить) сердце (душу)’. *Штоба* ***озафтомс*** *цёранять* ***седиенц,*** *учительницась мярьгсь: “А тяни морафтсы Мишась”*[58]. «Чтобы успокоить (букв. посадить сердце) мальчика, учительница сказала: “А теперь прочитает Миша”»; *Кулясь, кона* ***петьсы*** *аньцек тонь* ***седицень***...[59] «Новость, которая успокоит (букв. поправит сердце) тебя».

В мокшанском и в русском языках встречается довольно много фразеологических оборотов со значением «умереть», имеющих различную стилистическую отнесенность. Например, в мокшанском языке: *конемс сельмот* ‘умереть (букв. закрыть глаза)’, *кеподемс вяри карьхнень* ‘умереть (букв. поднять лапти вверх)’, *тумс мода алдонь царствав* ‘умереть (букв. уйти в подземное царство)’, *венептемс сярьхкат (пилькт)* ‘умереть (букв. ноги протянуть)’, *мумс пе* ‘умереть (букв. найти конец)’, *учи модалонь дворецсь* ‘умереть (букв. ждет подземный дворец)’, *штатолоц (свечкац) пальс* – ‘умер (букв. свечка сгорела)’, *киц аделавсь* ‘умер (букв. его / ее дорога закончилась)’.

Отметим, что эти фразеологизмы не могут заменять друг друга, так как имеют различную стилистическую окраску. Например: *Кельмось.* ***Сярьхканзон венептсь***[60]. «Остыл. Умер (букв. протянул ноги)»; *Тяза тят кулсе, тят. Минь тонь пъчкафттядязь. Туят эсь пильгсот. А сямольде, коса мяльце, тоса* ***венептить сярьхкятнень***[61]. «Здесь не умирай, не умирай. Мы тебя вылечим. Пойдешь своими ногами. А потом, где пожелаешь, там и умри (букв. ноги протяни)»; *А то, афкукс, пингта инголе* ***венептьсайть пилькнень*** [с. Алькино Ковылкинского района Мордовии]. «А то и вправду, раньше времени умрешь (букв. ноги протянешь)»; *Модать лангсат. Ваймак. Ожу, ащек аф ламос… эреклат… а тоса ни воляце, коса* ***мусак пецень***[62]. «На земле. Отдохни. Подожди, подожди не много... оживешь... а там уж воля твоя, где умрешь (букв. найдешь свой конец)»; *Монь*

[54] Кулакова Н. А., Рогожина В. Ф. Мокшень кялень кевонзаф валсюлмонь валкс. Саранск, 2013. С. 63.
[55] Макулов Л. Ф. Указ. соч. С. 27.
[56] Там же. С. 105.
[57] Пинясов Г. И. Кочкаф произведеният: кафта томса. 1 томсь. Повесть. Саранск, 2013. С. 512.
[58] Так же. С. 63.
[59] Кирдяшкин Т. А. Указ. соч. С. 25.
[60] Мокша. 2010. № 11. С. 83–84.
[61] Там же.
[62] Там же.

тяни ***учсамань модалонь дворець***[63]. «Я теперь скоро умру (букв. ждет меня подземный дворец)».

В русском языке лексическая вариантность выражается также при помощи разных лексических компонентов. Например:

– *в могиле, в гробу.* Данные компоненты чаще всего сочетаются со словом *нога – стоять одной ногой в могиле* ‘быть при смерти (от болезни)’, *стоять одной ногой в гробу* ‘быть при смерти (от болезни)’;

– *на три аршина*, *на сажень – смотреть в землю на три аршина* ‘быть при смерти (от болезни)’, *смотреть в землю на сажень* ‘быть при смерти (от болезни)’.

[63] Мишанина В. И. Ки лангса ломатть: расскаст и повесть. Саранск, 1985. С. 11.

Заключение

Язык любого народа находится не в застывшем, неподвижном состоянии, а в постепенном движении.

В мокшанском и русском языках морфологическая вариантность выражается в изменении грамматической формы: в русском языке наиболее часто отражена в числе, падежных формах, иногда в роде; в мокшанском языке категория рода отсутствует, поэтому морфологическая вариантность фразеологизмов проявляется в употреблении послелогов. Что касается лексической вариантности фразеологизмов, в исследуемых языках она выражается при помощи разных лексических компонентов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в системе современного русского языка / Волгоград. гос. пед. ун-т. Волгоград: Перемена, 1993. 147 с.
2. Захаров Б. Ф. О финно-угорских вкраплениях в структуре диалектных фразеологизмов (на материале говоров Починковского района Нижегородской области) // Взаимодействие и взаимовлияние языков и литератур народов Поволжья и Приуралья: материалы межрегион. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения акад. Пауля Аристэ / МГУ им. Н. П. Огарева; Междунар. консультатив. комитет финно-угор. народов. Саранск, 2006. С. 110–114.
3. Кузнецова А. И. Типология фразеологических единиц с соматическим компонентом в уральских языках // Финно-угристика на пороге III тысячелетия (филологические науки): материалы II Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Саранск, 2000. С. 179–183.
4. Кулакова Н. А. Частотность употребления глагольных фразеологических единиц в мокшанском языке // Вестник Мордовского университета. Сер. Финно-угроведение. Филологические науки. 2011. № 1. С. 64–66.
5. Кулакова Н. А. Отражение нравственных устоев в семье (на материале мордовских языков) // Финно-угорский мир. 2014. № 3. С. 17 – 21.
6. Кулакова Н. А. Фразеологические обороты с компонентом цвета в мокшанском языке // Вестник Тверского государственного университета. 2015. № 4. С. 61–69.
7. Морозова Е. Н. Контрастивное изучение фразеологических картин мира (на примере русского и мордовских языков) // Лексика мордовских языков: проблемы и перспективы развития: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. юбилею Х. Паасонена / МГУ им. Н. П. Огарева. Саранск, 2010. С. 65–67.
8. Рогожина В. Ф. Функционирование фразеологизмов в мокшанской разговорной речи и их семантическая группировка // Финно-угорский мир. 2013. № 2. С. 70–77.
9. Рогожина В. Ф. Соматические фразеологические единицы с компонентом «голова» в мокшанском языке, характеризующие человека // Русский язык в контексте национальной культуры: сб. материалов межрегион. науч.-практ. конф. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 169–179.
10. Рогожина В. Ф., Тареева К. А. Фразеологизмы с соматическим компонентом в мокшанском и венгерском языках // Русский язык в контексте национальной культуры: сб. материалов межрегион. науч.-практ. конф. / МГУ им. Н. П. Огарева. Саранск, 2016. С. 183–187.
11. Ширманкина Р. С. О вариантности фразеологических единиц в мордовских языках // Вопросы финно-угроведения / Мар. НИИ при Совете Министров Марийской АССР, ИЯ АН СССР. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1970. Вып. V. С. 21–24.
12. Ширманкина Р. С. Эрзянские говоры и фразеологизмы // Финно-угристика на пороге III тысячелетия (филологические науки): материалы II Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Саранск, 2000. С. 318–322.

Поступила 20.03.2018, опубликована 05.09.2018

VARIANCE OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE MOSCHA AND RUSSIAN LANGUAGES
(typological analysis)

Valentina F. Rogozhina,
Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor, Department of Mordovian Languages, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), valentina-141966@mail.ru

Nadezhda A. Kulakova,
Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor, Department of Mordovian Languages, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), nad_kul@rambler.ru

The article analyses the typology of variants of phraseological units in unrelated languages – Moksha and Russian. The aim of the work is a typological analysis of the variability of phraseological units in these languages. The subject of the study are the variants of phraseological units in these languages. The ideas of this research can be used for academic and research materials for such courses as "Modern Moksha language", "Comparative grammar of the Mordovian and Russian languages".

The research methodology is based on a system approach that incorporates comparative and typological as well as structural and grammatical methods. The article is rooted in research of Russian and Finno-Ugric linguistic data of phraseological dictionaries, fiction works, and the recordings of the dialects of native speakers of these languages.

Formal variation of phraseological units does not cause fundamental differences, whereas lexical replacement of components generates different opinions. Most linguists determine the variability of phraseological units as changes of the form of phraseological units and their expression.

It is concluded that phraseological units of the Moksha and Russian languages contain lexical and morphological variability. Lexical variation is expressed by means of different lexical components. In the compared languages, predicative phraseological units containing more than two components are most prone to contractions. Morphological variability is expressed in changing grammatical form. In Russian it is expressed in number, cases and sometimes in the gender, while in Moksha it is expressed in the use of postpositions.

Key words: glossary; grammar; phraseological unit; bilingual dictionary; lexical variance; morphological variability; noun; adjective; pronoun; suffix; Moksha language; Russian language.

For citation: Kulakova NA, Rogozhina VF. Variance of phraseological units in the Moksha and Russian languages (typological analysis). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2018; 2: 37–47. (In Russian)

REFERENCES

1. Alefirenko NF. Phraseology in the system of modern Russian language Volgograd; 1993. (In Russian)
2. Zaharov BF. On the Finno-Ugric interspersions in the structure of dialectal phraseological units (based on the dialects of the dialects of the Pochinkovskiy district of the Nizhny Novgorod region). *Vzaimodeistvie i vzaimovliianie iazykov i literatur narodov Povolzh'ia i Priural'ia: materialy mezhregion. nauch. konf., posviashch. 100-letiiu so dnia rozhdeniia akad. Paulya Aristeh* = Interaction and mutual influence of languages and literatures of the peoples of the Volga region and the Urals: proceedings of interregional conference for. 100th anniversary of the birth of the academic Paul Aristeh. Saransk; 2006: 110–114. (In Russian)
3. Kuznecova AI. Typology of phraseological units with a somatic component in the Uralic languages. *Finno-ugristika na poroge III tysyacheletiia (filologicheskie nauki): materialy II Vseros. nauch. konf. finno-ugrovedov* = Finno-Ugric Studies on the threshold of the third millennium (Philology). Proceedings of II All-Russian conference Finno-Ugric studies. Saransk; 2000: 179–183. (In Russian)
4. Kulakova NA. Frequency of use of verbal phraseological units in Moksha language. *Vestnik Mordovskogo universiteta. Seriia «Finno-ugrovedenie. Filologicheskie nauki»* = Bulletin of the Mordovian University. Series "Finno-Ugric Studies. Philology". 2011; 1: 64–66. (In Russian)
5. Kulakova NA. Reflection of family moral principles (on material of the Mordovian lan-

guages). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2014; 3: 17–21. (In Russian)
6. Kulakova NA. Phraseological turns with a color component in the Moksha language. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Tver State University. 2015; 4: 61–69. (In Russian)
7. Morozova EN. Contrastive study of phraseological pictures of the world (on the example of Russian and Mordovian languages). *Leksika mordovskih yazykov: problemy i perspektivy razvitiia: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posviashch. iubileiu H. Paasonena* = Vocabulary of Mordovian languages: problems and prospects of development: Proceedings of International Conference for the jubilee of H. Paasonen. Saransk; 2010: 65–67. (In Russian)
8. Rogozhina VF. Functioning of phraseological units in Moksha speaking and their semantic grouping. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2013; 2: 70–77. (In Russian)
9. Rogozhina VF. Somatic phraseological units with the "head" component in the Moksha language to description purposes. *Russkii iazyk v kontekste nacional'noi kul'tury: sb. materialov mezhregion. nauch.-prakt. konf.* = Russian language in the context of national culture. Proceedings of Interregional Conference. Saransk; 2016: 169–179. (In Russian)
10. Rogozhina VF, Tareeva KA. Phraseologisms with somatic component in Moksha and Hungarian. *Russkii iazyk v kontekste nacional'noi kul'tury: sb. materialov mezhregion. nauch.-prak. konf.* = Russian language in the context of national culture. Proceedings of Interregional Conference. Saransk; 2016: 183–187. (In Russian)
11. Shirmankina RS. About the variation of phraseological units in Mordovian languages. *Voprosy finno-ugrovedeniia* = Issues of Finno-Ugric Studies. Joshkar-Ola; 1970: 21–24.
12. Shirmankina RS. Erzya dialects and phraseological units. *Finno-ugristika na poroge III tysyacheletiia (filologicheskie nauki): materialy II Vseros. nauch. konf. finno-ugrovedov* = Finno-Ugric Studies on the threshold of the third millennium (Philology). Proceedings of II All-Russian Conference Finno-Ugric Studies. Saransk; 2000: 318–322. (In Russian)

Submitted 20.03.2018, published 05.09.2018